

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

персоналия

Владимир КУХАРИШИН:

«И НОВЫЙ ДЕНЬ ВЕРНЕТ

В РЕАЛЬНЫЙ МИР»

ТАК НАДО

Так надо. Так было. Так будет.
Таков уж природы закон.
Ожоги как раз и остудят,
Чтоб больше не лез на рожон.

Так надо. Пусть даже и больно.
Зато будет легче потом,
Когда в общем хоре ты сольно
Споешь обеззубленным ртом.

Лишь так достигается
зрелость,
Иного пути просто нет.
Отсюда невольная смелость
И страсть к одержанью побед.

ВДАЛИ ОТ ДОМА

Еще один тягучий
зимний день
Прошел, благополучно канув
в Лету.
Как до конца прочтенную
газету,
Бог сдал его в архив —
и вся мигрень.

На смену, как всегда,
явилась ночь —
Без фокусов, задержек
и капризов
Спустилась к нам
по крышам и карнизам,
А утром, не сердясь,
умчится прочь.

И новый день вернет
в реальный мир,
Разбудит одиночество и скуку,
Раскрасит свежей краской
эту муку
Бесстрастно-
беспристрастный конвоир.

А что потом? Нелепая игра
В круговорот бессмысленных
деяний,
Чтоб только избежать
воспоминаний
Хотя бы до грядущего утра.

РАЗЛУКА

Опять молчит мой телефон,
Почтовый ящик снова пуст.
Твои глаза — всего лишь сон,
А явь — тоска, печаль и грусть.

В ночную тьму и в сумрак дня
С засохших губ летят слова
Под шелест струн,
под блеск огня,
В котором тает строк листва.

Куда ни гляну, там лишь ты,

И слышу только голос твой.
Воспоминанья и мечты
Лишь о тебе и лишь с тобой.

Но вновь молчит мой
телефон,
Почтовый ящик снова пуст.
Твои глаза — всего лишь сон,
А явь — тоска, печаль и грусть.

НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ЛЮБВИ

Ты когда-то уйдешь, как и все,
В вечных поисках нового
счастья,
Закружившись зверьком
в колесе
У фортуны и призрачной
страсти.

Ты уйдешь в неизбежность
весны.
Ты уйдешь в пустоту
ожиданья.
Ты уйдешь в
зазеркальные сны
И забытые воспоминанья.

Ты уйдешь в неизвестную
даль,
Унося аромат наших вальсов.
Ты заменишь тоску на печаль,
Затаенную в кончиках
пальцев.

Ты уйдешь, но не сможешь
понять,
Почему мы уходим так часто,
Мчимся в круге опять и опять
В вечных поисках большого
счастья.

БЕДА

Все было слишком хорошо,
А ты твердишь:
«Беда внезапно».
Она приходит поэтапно:
Терпимо, хуже, полный шок.

Беда приходит невзначай,
Как гость негаданный,
нежданный
И уж, тем более, незванный,
И пыет без спроса твой же чай.

Беда приходит не одна,
Всегда беря с собою свиту,
Уйдет же, лишь поев досыта
И нажавшись допьяна.

С творчеством представляемого на этой странице поэта хорошо знакома молодежная аудитория, и не только в Новозыбкове. Как исполнитель и самодельный автор Владимир Кухаришин участвовал во многих бардовских и рок-фестивалях. Некоторое время назад пользовался популярностью и руководимая им группа «Портрет Дориана Грея». Песни из ее репертуара публиковались во многих литературно-музыкальных изданиях, посвященных современной российской рок-музыке. С его стихами, как и с текстами песен, успели познакомиться в Санкт-Петербурге, Воронеже, Пензе, Новосибирске, Иркутске, других городах. Он уже получил ряд предложений по изданию своего авторского сборника.

Родился Владимир в Новозыбкове в 1975 году. Окончил медицинское училище. Работает рентгенологом в городской больнице. Учится заочно в ВУЗе. Стихи пишет со школьных лет. Он один из тех молодых поэтов, кто, начав публиковаться в начале 90-х, уже не испытал на себе социальной ангажированности нашей прежней литературы, поэтому в его стихах так много раскованности и внутренней свободы.

Беда идет на огонек
Еще мерцающей надежды.
Здесь спор бедой
и мною между.

Терпимо...
Хуже...
Хуже... Шок!

СЧАСТЬЕ

Дорогая, какое счастье,
Что мы встретились слишком
поздно,
Что мой разум сильнее
страсти,
И все было не так серьезно.

Как прекрасно, что мы
расстались,
Не успев надоесть друг другу,
без друга.

И судьбу свою не пытались
Запустить по второму кругу.

Как чудесно, что не успели
Познакомиться слишком
близко,
Что другая в моей постели,
И с другим ты танцуешь диско.

Как я счастлив, что нам
не светит
Задушить свое счастье
браком,
Что для знающих все
на свете
Наши души покрыты мраком.

Что ж, наш выбор
не в нашей власти.
Это жизнь, и ее заслуга.
Дорогая, какое счастье,
Что мы можем жить друг
без друга.

Ж аступил вечер, дождливый и ветреный. Тучи неслись быстро, в рваных разрывах, не успевая пролиться дождем над садом и подворьем. Сад шумел, жадно поглощая редкие, крупные капли. Прижавшись к стене сарая под стрехой, Лукич смотрел на тучи, слышал отголоски первого грома, но сейчас это стало побочным, хотя он ждал дождя с нетерпением. Одолевали мрачные мысли, и в дом не хотелось идти: пьяная развязанность сына, слезы внучки, полные горя и негодования глаза невестки выбивали из привычной колеи, принуждая уходить из дома. Обычно мягкий человек, он наорал на сына: «Не смей оскорблять жену и травмировать дочь! Не бросишь пить — убирайся вон!»

А кто будет кормить семью, убила-жать красивую жену, уж не ты ли? — заплетающимся языком разглагольствовал Лешка.

Лукич надавал сыну тумаков, вытолкнул из дома. Назавтра хмурый, мятый Лешка что-то невнятно бормотал, винясь за вчерашнее, пытался обнять отталкивавшую его жену, избегал глаз отца. Небольшие деньги, какие получал, Лешка домой не приносил. Жили на пенсию Лукича и мизерную зарплату невестки, воспитательницы детского сада.

А ведь все было хорошо: красивый, образованный сын женился на красивой, ласковой Насте. Сыграли свадьбу, и пошла жизнь. Молодые были счастливы, счастлив был и Лукич и ждал внучат. Дождя дождался внучки и души не чаял в маленькой Машеньке.

— Папа, разве можно ей шоколадку? У нее еще и зубиков нет, — смеялась Настя.

Лукич чесал в затылке и беспомощно толкался около, не зная чем помочь невестке. Чуть позже Машенька не слезала с дедовых рук и бесконечно лепетала, тербя его усы.

Лешка работал инженером на электро-механическом заводе, любил семью, отца. Машенька росла, дед потихоньку старел, чуть сутулился. Потом Лешка стал приходить в подпитии, дальше — больше и пошло, и поехало. Начались скандалы, зачинщиком которых был Лешка. Он ревновал жену к кому угодно, не видя, как пожирали ее глазами объявившийся друг семьи Валерка. Тот всегда приходил с бутыл-

кой, запросто садился за стол и начинал разливать водку.

— И красавице, молодой хозяйке нальем. Пусть немного отойдет от бесконечных забот, — говорил Валерка, не отрывая глаз от рдеющей Насти.

Лешка же, приходя с работы уже принявшим и добавив с Валеркой дома, терял ощущение реальности, ничего не видел и не слышал, лишь беззастановочно, с трудом выворачивал из запястья рта бессвязные, нелепые фразы, пока не засыпал. Однажды Валерка пришел один, Лешка где-то задержался.

— Можно я подожду Лешку?

Григорий ПИСАРЕВСКИЙ

А ЯБЛОНИ-ТО РАСЦВЕТАЮТ...

Рассказ

— Жди, — сказал Лукич и вышел из дому.

— Папа... а... а! — услышал Лукич истошный крик Насти из смежной комнаты, когда вернулся в дом.

Старичком себя он еще не считал и вмиг выдворил вон взъерошенного друга семьи. А Настя плакала.

— Больше ноги его здесь не будет, — отрубил Лукич.

Лешка продолжал будоражить семью, не давал покоя нездоровой активностью и бесконечными претензиями к жене. С инженерной должности его выгнали, устроился сантехником в аварийную службу.

Стало совсем темно. Лукич покинул место под стрехой и пошел в дом. Сын спал на коврике у дивана. Насти с Машенькой не было.

— Видно не выдержала, убежала с Машенькой к матери. — подумал Лукич.

Утром Лешка хватился своих.

— Куда они делись? — вопрошал он, мучительно преодолевая головную боль.

Лукич сурово смотрел на сына, жалкого, потрепанного, заросшего длинной, нечистой шевелюрой и черной щетиной, «озонирующего» перегаром. Вечером Лешка пришел трезвым. Лукич сидел на скамейке у калитки. Леш-

ка сел рядом, робко поглядывая на отца. И последующие дни они молча сидели и думали свои думы.

— Батя, — тихо сказал Лешка. — Ты прости меня за мои выкидыши. Не знаю, получится ли, но держусь изо всех сил. Сходи, пожалуйста, поговори с Настей, — еще тише и как-то обреченно добавил он. — Плохо мне без них.

Лукич молчал, долго молчал.

— Ты вот что, сын, изволь сам налаживать свои отношения. Ты муж и отец, и кругом повинен. Такую жену, доченьку поменял на водку. — Лукич помолчал. — Не завидую я тебе: вряд ли Настя простит, унизил ты ее. Раз-

ка сел рядом, робко поглядывая на отца. И последующие дни они молча сидели и думали свои думы.

— Батя, — тихо сказал Лешка. — Ты прости меня за мои выкидыши. Не знаю, получится ли, но держусь изо всех сил. Сходи, пожалуйста, поговори с Настей, — еще тише и как-то обреченно добавил он. — Плохо мне без них.

Лукич молчал, долго молчал.

— Ты вот что, сын, изволь сам налаживать свои отношения. Ты муж и отец, и кругом повинен. Такую жену, доченьку поменял на водку. — Лукич помолчал. — Не завидую я тебе: вряд ли Настя простит, унизил ты ее. Раз-

ве что по доброте своей. Иди. Только приведи себя в порядок, от тебя чертом несет.

Вечером, с темнотой, Лешка пошел к Насте. Вскоре вернулся хмурый и снившийся.

— Сказала, что не верит.

— Как-то появилась Машенька. Она частенько забегала к своему деду. Глаза искрятся радостью, сама ладная, красивая... Невестушка.

— Деда, а яблони-то расцветают!

Как и прежде обняла деда, расцеловала, всколыхнула унылую неподвижность бытия. Потом притихла.

— А как папа?

— Тоскует, родная моя девочка. Папа твой не тот уже человек.

— Мама тоже тоскует и плачет.

— Вот бы и вернулись. А я бы успел еще порадоваться. А слезы? — Слезы падают не на землю — на сердце... Пусть побережет себя, она всем нам нужна.

— Не решается мама, — после небольшой паузы грустно сказала Машенька.

После ее ухода у Лукича заняло сердце. Он достал нитроглицерин, сидел. Немного отпустило.

— Благодать — то какая! Днями совсем распустятся, только и жить, — сказал он вслух, выйдя в сад.

Боясь глубоко вздохнуть, он с тихой радостью остро ощущал воздух, наполненный ароматом. Совсем отлегло, и он пошел к своей скамейке.

Ко Дню Победы к Лукичу приехали два фронтовых друга.

— Здорово, наш дорогой комбат! — закричал с порога один из них, высокий, с пепельно-седыми волосами.

Обнялись, троекратно расцеловались. Друзья были при орденах, Лукич надел свой офицерский китель. Зная, что не столь давно у Лукича умерла жена, друзья прихватили с собой водки и хорошей закуски. Посидели. После воспоминаний дошло до песен. Вышли в сад. День близился к вечеру. Вчера прошел дождь, и до сих пор в забелешем, зарозовевшем саду было свежо и все пронизано заходящим солнцем.

Лешка с самого их появления был с ними и молча прислушивался к старым солдатам. «В военную пору парнишками они приняли всю неизмеримую тяжесть жестокого побоища. Сколько их полегло!»

С тариками смотрели на еще сильнее, с редкими облачками небо, одарившее землю благодатным дождем, на цветущие яблони. Они обнялись, и тихо стояли, как бы боясь спугнуть очарование жизни, еще дарованное им.

И вдруг Лешке стало стыдно, мучительно стыдно, до боли в висках, до слез перед этими людьми, заканчивающими свой человеческий путь. Он взмог. «Как же сын фронтовика, слаб и дурень Лешка дошел до такой жизни!»

А назавтра, когда фронтовики с грустью прощались, понимая, что это их последняя встреча, стало больно за брата, родного человека, как-то в последнее время ссутулившегося и постаревшего. «Он не вечен, это его крайние годы и его может не стать, и некому будет даже поругать, пожуричь его, дурня Лешку, или просто посидеть с ним на лавочке».

— Сынок, — сказал Лукич после отъезда друзей. — Тоскливо нам с тобой без Насти и Машеньки. Иди к ним. Просто скажи, что мы не можем без них. Тебе тяжело далось это время, и совесть твоя чиста. И не дай тебе Господь вновь сломаться! Иди с богом. Я жду тебя с ними. Пора налаживать жизнь.

Артур ВАГАБОВ

Мы без слов доверяя
не умеем,
А слова обижают порой.
Очень часто о чем-то жалеем,
Очень часто играем с судьбой.

Очень часто прощаться
боимся,
А разлука бросает ножи.
Очень часто друг другу
мы снимся,
Очень часто не терпим мы лжи.

Часто очень... Легко не бывает
Тем, кто любит и ждет
без конца.
Мир про нас уже песни
слагает —
Неспокойные наши сердца.

Дмитрий ТОЛКАЧ

Милый облик...
Нежные ресницы.
Губ цветенье, как весной — сада.
И из них так хочется напиться
Чистоты божественной улады.

И глаза, наполненные грустью,
Колдовски чарующи и сини.
Я сравню тебя с березой
русской —
Гордою красавицей России.

Валентин ЧИРОК

АТЛАНТ

О, Боже мой! За что мой рок
Такую тяжесть возложил
на плечи?!
Невыносимо грешна
твердь земная,
Омытая слезами,
трет мне спину,
И солнца луч полуденный
и жаркий
Лишь сокрушит меня
еще больней.
Что ж — истина одна —
В терпении божества
Бессмертие сокрыто мира.